

Отзыв об автореферате диссертации Зарапина О.В. «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Язык и стиль диссертации исключительно сложны, и это волей-неволей заставляет задуматься над тем, что перед нами: действительно глубокое сочинение, требующее неординарных усилий для его восприятия, или же попытка таким способом скрыть тривиальность и/или абсурдность выдвигаемых утверждений?

Предпринятый нами анализ текста позволяет дать на этот вопрос вполне определенный ответ. Он будет сформулирован ниже.

Рассмотрим ключевые моменты автореферата диссертации.

Обоснование актуальности

Автореферат начинается с категоричного заявления: «Со времен Гуссерля известно, что современная европейская философия находится в кризисе» (с. 3). О.В. Зарапин, таким образом, принимает слова основоположника феноменологии за неоспоримую истину. Конечно, это его право, но только почему остальные члены философского сообщества должны это мнение разделять? Каковы признаки, указывающие на наличие такого кризиса? И о каком конкретно течении современной европейской философии идет речь? Таких течений немало, и что же, каждое из них пребывает в кризисе? Какой смысл вкладывается в данном случае в понятие «современная европейская философия»? И с какого момента отсчитывается О.В. Зарапиным современность: с 1914 года? с 1945 года? с 1991 года? Э. Гуссерль умер в 1938 году, с тех пор мир претерпел множество перемен, порой драматических и даже трагических. И что же, суждение Гуссерля до сих пор сохраняет силу? Без всех этих пояснений ключевой тезис О.В. Зарапина, опирающегося на авторитет основоположника феноменологии, оказывается не содержательным утверждением с ясным смыслом, а абстрактной декларацией.

Но не станем акцентировать на этом внимание, сочтем данное обстоятельство не изъяном позиции, а извинительным упущением. Однако в любом случае возникает вопрос о том, в чем состоит существо упомянутого кризиса? Диссертант после ряда заявлений, не имеющих прямого отношения к делу, отвечает на этот вопрос следующим образом: «<...> Философия не действует, она непреодолимо теоретична и в области практики играет служебную роль, дезавуированную в пост-марксистскую эпоху, когда философский инструментарий уже побывал оружием в руках пролетариата» (с. 3). (Орфография источника. – Р.Л.)

Разберем эту фразу подробно. Итак, философия «непреодолимо теоретична» и в то же время «в области практики играет служебную роль». Но если философия теоретична *непреодолимо*, то как она может играть в практике хоть какую-то роль? Нарушение логического закона исключенного третьего здесь столь очевидно, что остается только удивляться, как этого не заметил автор. Остановимся на второй части фразы. Итак, «философский инструментарий», оказывается, уже «побывал оружием в руках пролетариата» и в итоге «дезауировал служебную роль философии в области практики», причем сделал это в «постмарксистскую эпоху». К нашему стыду, мы не ведаем о существовании такой эпохи. Но точно знаем, что слово «постмарксистский» по правилам русской орфографии пишется не через дефис, а слитно. Впрочем, это не так уж важно. Существенно в данном случае неумение автора последовательно провести свой исходный тезис о «непреодолимой теоретичности» философии. Если в определенную эпоху философия *была* чьим-то оружием, то она, следовательно, играла практическую роль. Концы у автора явно не сходятся с концами.

Итак, О. В. Зарапин исходит из тезиса о том, что современная европейская философия находится в кризисе, а сущность кризиса им усматривается в отрыве философии от практики. Понятно, что от автора требуется предложить путь выхода из этого кризиса, найти способ преодоления отрыва философии от практики. Выражаясь словами О.В. Зарапина, необходимо найти «действенный потенциал» философии (с. 3). Рецепт автора таков: требуется «своеобразная интерференция» философской культуры и «философского дискурса». Естественно, читатель ожидает, что автор даст определения понятиям «философская культура», «философский дискурс», объяснит, в чем состоит интерференция первого и второго. Желательно также сообщить, в чем заключается своеобразие этой интерференции. Речь идет, разумеется, не о полных развернутых определениях, а о кратких, инструментальных, достаточных для понимания хода мысли автора. Но ожидания читателя оказываются обманутыми. Относительно ключевых понятий теоретической конструкции автора имеются лишь какие-то невнятные суждения, не позволяющие уловить его основную идею. О понятии «философский дискурс» сказано, что оно «указывает на речевые, текстовые и коммуникативные особенности осуществления философской рефлексии» (с. 3). Но на все эти вещи «указывает» и понятие философская культура. И много других понятий, например, стиль философствования. Читателя интересует не то, какие коннотации связаны с тем или иным понятием, а каково содержание именно данного понятия. О понятии «философская культура» в автореферате написано, что оно «отсылает к способам осуществления рефлексии в разных социокультурных условиях <...>» (с. 3). Та же ошибка. Содержание понятия «философская культура» автором не раскрывается, им делается лишь замечание о том, какие оно

вызывает ассоциации. Кроме того, различие этих двух понятий (философская культура и философский дискурс) охарактеризовано столь туманно, что уловить, в чем оно заключается, – задача практически нерешаемая. Согласно автору, «философский дискурс» «указывает» на определенные «особенности осуществления философской рефлексии», а «философская культура» «отсылает» к «способам осуществления философской рефлексии». Возникает естественный вопрос, чем отсылка к «осуществлению философской рефлексии» отличается от указания на то же самое?

(Заметим в скобках, что в автореферате на с. 16 дано развернутое определение философской *текстовой* культуры. Не касаясь его по существу, констатируем, что ничего не сказано относительно того, как оно соотносится с понятием «философская культура». Читатель волен думать, что это одно и то же, а может придерживаться и иной точки зрения.)

Складывается впечатление, что О.В. Зарапин имеет слабое представление о том, что значит обосновать актуальность той или иной темы. Выявить актуальность проблемы значит показать, каким образом ее постановка вытекает из реалий переживаемого исторического момента. В нашем конкретном случае – из реалий постсоветской России. С того времени, когда творил Э. Гуссерль, прошло много десятилетий, огромные изменения произошли и в мире, и в философии, и потому его суждения, относящиеся к давно минувшей эпохе и другому культурному ареалу, не могут быть механически перенесены на сегодняшний день и на Россию. Поэтому мы вынуждены констатировать, что обоснование актуальности темы проведено О.В. Зарапиным крайне неубедительно и непрофессионально.

О предмете исследования

Поиски «действенного потенциала» философии приводят автора к мысли о необходимости тщательно изучить философский текст, из чего делается вывод, что именно этот последний и является *главным предметом* диссертационного исследования (с. 4). Но если есть *главный* предмет, должен быть и второстепенный. Каков он? Ответ мы находим на с. 6, где делается заявление, что предметом диссертационного исследования является «прагматический потенциал диалога, реализуемый в виде формата текстовой деятельности». Получается, таким образом, что О.В. Зарапин исследовал не *один*, а *два* предмета. Признаться, за 50 лет работы в науке нам с такими вещами сталкиваться не приходилось.

Так или иначе, понятно, что ключевое понятие работы – текст. Последний трактуется О.В. Зарапиным как «способ деятельности», который «репрезентирован в совокупности процессов создания, трансляции и воспроизводства продуктов текстовой деятельности» (с. 4). Итак, текст – это то, что представлено в текстовой деятельности. Данное суждение вполне

можно поместить в учебник по логике как пример ошибки «круг в определении». Из столь своеобразного представления о тексте автор выводит заключение, что можно «связать понятия философская культура и философский дискурс в одно общее понятие философская текстовая культура» (с. 4). Как можно предполагать, это и есть та самая «интерференция философской культуры и философского дискурса», которая была обещана чуть выше. Проще говоря, если наложить философскую культуру на философский дискурс (или наоборот), то в итоге получится философская текстовая культура. Допустим, что это так. Но что из такого допущения следует?

О.В. Зарапин на указанный логичный вопрос не отвечает, вместо этого следует пассаж о различии диалогической и монологической речи, называются имена Гаутамы, Лао-цзы, Конфуция, говорится о каких-то «мудрецах Упанишад», о суфиях. Какое они имеют отношение к *европейской философии*? Автор, согласно его заявке, стремится найти выход из кризиса *современной европейской философии*, который в свое время отмечал Гуссерль. При чем здесь «мудрецы Упанишад» и прочие окруженные ореолом мифов и легенд персонажи из авторского списка?

Итак, мы вынуждены констатировать, что предмет исследования определен О.В. Зарапиным весьма небрежно и противоречиво.

Гипотеза исследования

Прочитируем соответствующее высказывание: «Исследовав истоки и особенности практики сократической беседы, мы выдвигаем гипотезу, что эта практика закладывает в основу европейской философской текстовой культуры идею взаимодополнительности диалога и монолога, выражающую продуктивность процесса перехода между ними» (с. 4). Каждый может по достоинству оценить глубину и оригинальность этой мысли: диалог дополняет монолог, а монолог производит точно такой же эффект по отношению к диалогу. До того, как О.В. Зарапин выдвинул свою гипотезу, об этом никто не подозревал. И лишь благодаря его тщательному исследованию покров вековой тайны сорван с великой истины. Приносим извинения за иронический тон, но как иначе прокомментировать банальность, выдаваемую за некое теоретическое прозрение?

Дальше следует разъяснение этой банальности, по максимуму разукрашенное научной терминологией: «Этот процесс (перехода диалога в монолог и обратно. – Р.Л.) репрезентирован со стороны диалога – в виде дискурсивной позиции субъекта, вовлеченного в общественную жизнь и нацеленного посредством текста воздействовать на Другого, и, со стороны монолога – в виде дискурсивной позиции субъекта, дистанцирующегося от реальности, занимающего позицию одинокого наблюдателя и использующего текст как инструмент особой деятельности созерцания. Мы утверждаем, что

действенный потенциал философского диалога раскрывается как умоперемена (метанойя). Он реализуется в изменении точки зрения, в изменении способов мышления и способов артикуляции мысли, что в пределе обобщения означает также и то, что между диалогом и монологом нет непроходимой границы. Монолог является преобразованием диалога, а сам процесс такого преобразования является функцией философской текстовой культуры, что мы фиксируем понятием трансформация дискурса» (с. 4-5). Далее автор настаивает на том, что диалог — это не жанр, не стиль, а *формат* текстовой культуры (с. 5). Читатель вправе спросить: а кто считает иначе? Кто, например, утверждает, что диалог — это определенный *жанр* философской литературы? Нам известны следующие жанры: заметка, тезисы, статья, монография, рецензия, эссе, диссертация, автореферат диссертации. С таким жанром, как диалог, нам, честно говоря, встречаться не приходилось. Некоторые философские произведения действительно написаны в форме диалога, но это всегда лишь способ организации текста внутри одного из перечисленных жанров. Мы вполне допускаем, что у кого-то на этот вопрос есть иная точка зрения. Так приведите соответствующие имена; огласите весь список, пожалуйста. То же самое относится и к стилю. Кто из профессиональных философов рассматривает диалог как *стиль* философского текста? (Или текстовой культуры — все равно.) Пока не приведены соответствующие ссылки, нельзя отделаться от впечатления, что автор борется с фантомами, которые порождены его воображением.

Конкретизируя свою гипотезу, автор делает заявление, что «созданы интеллектуальные системы, деятельность которых внешне напоминает рефлексию» (с. 5). Да, это совершенно справедливая констатация общеизвестного факта. Но дальше автор рассуждает так, будто общение человека с машиной — коммуникация *равноправных* субъектов. Вот его высказывание на этот счет: «Сегодня встреча с Цифровым Сократом уже не выглядит фантастикой и чат-бот в роли философа пополняет функционал виртуального собеседника, изначально апробированный в опции психотерапевтической услуги» (с. 5). А вот еще одно его суждение: «<...> Место межличностной коммуникации занимает человеко-машинная коммуникация» (с. 5). Более того, он как о чем-то само собой разумеющемся пишет о «философском диалоге человека и машины» (с. 6). Эти формулировки не оставляют сомнения в том, что О.В. Зарапин одновременно принимает *две* точки зрения на общение человека с машиной. Согласно первой, оно лишь *внешне* похоже на диалог, а второй — оно является диалогом *по существу*. И снова автора трудно упрекнуть в излишнем пиетете по отношению к законам логики.

И к требованиям жанра автореферата тоже. По общему правилу, рассуждения о гипотезе исследования завершаются утвердительными суждениями, в которых раскрывается ее суть. Потом по ходу изложения этого

гипотеза доказывается фактами и логикой. Но вместо этого мы видим в конце раздела о гипотезе исследования формулировку вопросов, уводящих читателей от предмета обсуждения.

К тому же гипотеза никак не связана с заявленной в самом начале автореферата серьезной озабоченностью кризисом современной европейской философии. Если сей вопрос действительно волнует автора, то почему выдвинутая им гипотеза никак не связана с задачей преодоления этого кризиса?

Вывод: гипотеза исследования представляет собой трюизм, не очень искусно закамуфлированный под глубокомысленные рассуждения.

Цель и задачи исследования

В автореферате цель изложена следующим образом: «Построение модели европейской философской текстовой культуры, позволяющей оценить продуктивность формата диалога» (с. 6). Фраза построена таким образом, что не сразу понятно, к чему относится причастный оборот: к модели текстовой культуры или к самой культуре. Такая ошибка называется амфиболией. В столь ответственном жанре, как автореферат, подобных шероховатостей изложения желательно избегать. Более вероятно, конечно, что причастный оборот относится к модели философской текстовой культуры. И эта модель, согласно замыслу автора, должна открывать возможность оценить продуктивность формата диалога. Но что такое продуктивность формата диалога? По каким критериям эта продуктивность устанавливается? И зачем это нужно? Как это работает на сверхзадачу исследования, которая, напомним, заключается в том, чтобы преодолеть кризис современной европейской философии?

Чтобы реализовать поставленную цель, автор формулирует пять задач. Наибольший интерес представляет последняя задача: «выявить особенность философского диалога, осуществляемого в процессе человеко-машинной коммуникации, и оценить потенциал его влияния на диалоговый формат философской текстовой культуры» (с. 6). Как видим, автор всерьез рассуждает о «человеко-машинной коммуникации» в процессе философского диалога. Но представлять дело таким образом значит покинуть почву научного мышления. Голосовой помощник, которым я пользуюсь, работая на компьютере, – не субъект, а программа, созданная другим человеком. Это инструмент общения, его техническое условие наподобие микрофона или динамиков. «Алиса» – это всего лишь название программы, а не имя другого участника коммуникации. Программу можно назвать «Сократ» и многократно ее усложнить, суть дела от этого не изменится. Трактую вопрос иначе, О.В. Зарапин воспроизводит обывательскую, детски-наивную точку зрения на искусственный интеллект, что в сочетании с витиеватым, обильно уснащенным философской терминологией стилем изложения производит впечатление просто комическое.

Таким образом, цель и задачи исследования сформулированы с серьезными отступлениями от норм научности.

О новизне исследования

О.В. Зарапин усматривает новизну своего исследования в первую очередь в том, что им «предложена модель философской текстовой культуры, представленная в виде монологического ядра и диалоговой оболочки, выражающих дискурсивные позиции созерцания и воздействия» (с. 6). Далее конкретизируется, в чем эта модель состоит. Вкратце суть его концепции сводится к следующему: в процессе коммуникации двух субъектов на темы философии происходит «трансформация дискурса» (с. 6). Она заключается в умоперемене, называемой на греческий манер словом «метанойя». Последняя представляет собой изменение отношения к другому участнику общения. Если поначалу каждый участник общения смотрит на своего оппонента свысока, с позиции «превосходства над Другим», то затем под влиянием аргументов противоположной стороны каждый занимает позицию «превосходства над собой» (с. 7). И это позволяет каждому из участников коммуникации внутренне преобразиться, стать более совершенным, обрести подлинность своего бытия (с. 7). Поскольку, согласно О.В. Зарапину, в качестве субъекта диалога может выступать не только человек, но и машина, возникает закономерный вопрос о том, какова специфика этих процессов в человеко-машинной коммуникации. К чести автора, он этого вопроса не избегает и отвечает на него следующим образом: «В диалоге машина способна интеллектуально воздействовать на человека, вызвать в нем умоперемену (метанойя), но это воздействие не учитывает возможность человека усвоить его в качестве образца для собственного поведения» (с. 7). Получается, таким образом, что человек способен, хоть и не без труда, духовно преобразиться под влиянием воспитательного импульса со стороны машины. А как насчет самой машины? Она в состоянии в результате воздействия человека внутренне измениться и ощутить подлинность своего бытия? Такого вопроса, вполне логичного в рамках развиваемых им представлений, О.В. Зарапин не ставит. И поступает, как мы полагаем, вполне благоразумно, ибо тогда было бы совершенно ясно, что от его рассуждений за версту веет духом технократической утопии.

Чистосердечно признаемся, что с идеями, подобными тем, которые излагает О.В. Зарапин, мы в философской литературе не встречались. Не исключаем, что из-за нашей неосведомленности, но, возможно, и по той причине, что автор ломится в открытую дверь, с одной стороны, повторяя банальности и, с другой стороны, воспроизводя антинаучные идеи, место которым не на страницах серьезных философских изданий, а разве только на REN-TV.

Методология исследования

О.В. Зарапин заявляет по интересующему нас пункту следующее: «Методологическую основу диссертационного исследования составляет коммуникативно-текстовый подход в изучении философского текста, разработанный и апробированный в рамках коллективных научно-исследовательских проектов, связанных направлением исследований в области философской текстологии» (с. 15). Для философской работы докторского уровня такого заявления явно недостаточно. Декларация о методологической основе диссертации – это не что иное, как открыто водруженное философское знамя. От автора требуется внятно заявить, в рамках какого направления он мыслит, к какому течению принадлежит, идеи какой школы развивает. Подход – это способ понимания предмета, абстрактно-общий момент самых разных и даже противоположных философских концепций. Так, Маркс, как и Гегель, подходил к действительности как к чему-то такому, что пребывает в постоянном развитии. Но сказать, что марксизм и гегельянство – это одно и то же, было бы непростительным упрощением.

Методология исследования – это его теоретическая основа, система идей, концептуальный каркас, на котором оно зиждется. А то, что О.В. Зарапин рассматривает в качестве методологии, относится не к методологии, а к методике, т. е. к набору приемов и способов анализа материала. Мы не покушаемся на их эвристическую эффективность, но отказываемся считать их пригодными для того, чтобы служить концептуальной основой исследования.

Таким образом, методологическая основа исследования в диссертации определена некорректным образом.

К этому следует добавить еще одно существенное соображение. Ученый, определяя свое место в идейном поле науки, обязан сделать заявление не только о том, к какой традиции он принадлежит, в рамках какой парадигмы осмысливает реальность, но и о том, какую систему воззрений он *не* разделяет, с кем он полемизирует. Наука развивается через дискуссии, и всякий действительно научный труд есть реплика в споре. О.В. Зарапин об этом, похоже, не подозревает, и в его итоговом научном труде мы не нашли ни малейшей попытки полемики с кем бы то ни было. Одно это обстоятельство делает его итоговое сочинение явлением периферийным и маргинальным.

Теоретическое значение работы

На этот счет в автореферате сделано следующее заявление: «Теоретическое значение работы определяется постановкой проблемы особенностей философского текста как топоса дискурсивной деятельности, осуществляемой во взаимосвязи коммуникативных процессов создания, трансляции и воспроизводства текстовых продуктов и имеющей значение

способа бытия человека в культуре» (с. 18). Итак, автор видит теоретическое значение *докторского* исследования в постановке проблемы. Предположим, что это заявление соответствует действительности. Но разве квалификационная работа – это тот жанр, который имеет своей задачей всего лишь постановку проблемы? Не решение научной проблемы, не выдвижение новых научных идей, не создание новой концепции высокого уровня обобщения и не обоснование новых направлений исследования? Постановка проблемы – исходная фаза исследования, а не итоговая оценка его значения для развития теории. Вызывает недоумение и содержание цитированной формулировки. Она в неявном виде содержит утверждение, что дискурсивная деятельность является не чем иным, как способом бытия человека в культуре. Контекст заставляет предположить, что речь идет не о всякой дискурсивной деятельности, а только о философской. Таким образом, получается, что человек приобщен к культуре лишь в той мере, в какой он вовлечен в философский дискурс. Иначе говоря, культурен лишь тот, кто профессионально занимается философией. Специалисты в области физики, математики, химии, биологии, истории, филологии, все инженеры, врачи, школьные учителя, токари, фрезеровщики, водители, электрики, сантехники и представители прочих почтенных профессий, не участвующие в обсуждении философских проблем, – люди малокультурные или вовсе бескультурные. Подобные абсурдные утверждения сами собой получаются, если автор не уделяет должного внимания точности формулировок.

В раздел «теоретическая значимость исследования» автор включил также еще несколько пунктов: разработка определенной модели философской текстовой культуры (с. 18); обоснование взаимосвязи диалога и монолога в философской текстовой культуре посредством механизма, обеспечивающего для последней «базовую для ФТК (философской текстовой культуры – Р.Л.) трансформацию дискурса» (с. 18). И это еще не всё. Согласно автору, им еще «реконструирован генезис ФТК как процесс размежевания и идентификации дискурсивных практик диалога и монолога» (с. 18); введено понятие нарратива ФТК в значении способа реализации функции трансформации дискурса (с. 18), а также выделены приемы двух видов: тех, что реализуются в дискурсивных практиках диалога, и тех, что репрезентируются в дискурсивных практиках монолога (с. 18). И, наконец, им «раскрыты особенности диалоговой деятельности, реализуемой в процессах человеко-машинной коммуникации...» (с. 18).

Не станем обращать внимания на то, что без тавтологии не обошлось и в этот раз, поскольку не в том суть. Главное здесь другое. Теоретическая значимость работы должна определяться предельно кратко, одной-двумя фразами. Например, теоретическая значимость «Капитала» К. Маркса состоит в том, что в нем раскрыта природа капиталистической эксплуатации как присвоения владельцем средств производства неоплаченной части стоимости,

созданной работником. Другой пример. Теоретическую значимость труда Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» можно передать одной фразой: «Разработана цивилизационная методология анализа исторического процесса в противовес формационной».

Но теоретическая значимость, изложение которой занимает половину страницы, – это нонсенс. Главная ценность любого научного труда – новая идея. И если автор не может ее выделить и внятно сформулировать, то это может означать лишь то, что такой идеи там нет. А в докторской диссертации это должна быть не просто новая идея, а идея масштабная, открывающая перспективу новых направлений исследований.

В автореферате нам ничего подобного обнаружить не удалось.

Язык и стиль

Как уже отмечалось в самом начале отзыва, язык и стиль работы исключительно трудны для понимания. Автор строит сложные конструкции, активно использует причастные и деепричастные обороты, обильно уснащает речь философскими терминами, вставляет слова из древнегреческого языка, словом, делает всё возможное, чтобы произвести на читателя впечатление человека красноречивого и эрудированного. И – надо прямо об этом сказать – поставленной цели он достигает вполне. Читатель проникается к нему доверием еще и потому, что в тексте практически нет ошибок против русского языка, автор прекрасно владеет навыком грамотного письма. Несомненные литературные достоинства текста подсознательно проецируются и на его содержательную сторону, создавая у читателя впечатление неизъяснимой глубины написанного. И если читатель чего-то не понимает, то связывает это не с изъянами текста, а с собственным несовершенством. В такой ситуации читатель обычно склонен полагать, что он просто не дорос до усвоения глубочайших истин, преподносимых ему с таким блеском. Чтобы понять, действительно ли излагаемые идеи столь замечательны, как нам желает преподнести автор, нужно избавиться от легковерия, необходимо проявить способность к критическому мышлению, потратив немало времени и сил на распознавание истинного смысла написанного. Иногда обнаруживается, что претензии автора обоснованны, что используемый им сложный язык – не попытка пустить пыль в глаза, а отражение реальной сложности предмета. Но довольно часто оказывается, что таким способом автор маскирует реальную пустоту и бессодержательность своего труда, что он занимается не наукой, а ее имитацией, скрывая под сложной языковой оболочкой смесь банальностей и нелепостей. К какому случаю относится произведение О.В. Зарапина: к первому или ко второму?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно в краткой и ясной форме раскрыть основное содержание его труда.

Действительное содержание исследования

Предпринятая нами дешифровка послания О.В. Зарапина *urbi et orbi* привела нас к выводу, что основные действительные (а не декларируемые) идеи его диссертации таковы. Чтобы читатель не принял эти мысли за наши собственные, выделим текст курсивом.

Современная европейская философия находится в кризисе. Он заключается в отрыве философии от практики. Преодоление этого отрыва состоит в возврате к классической традиции философствования, заложенной в античные времена. Современная философия должна отказаться от монолога как главного способа коммуникации и перейти к другому способу, который заключается в переплетении (взаимодополнении) монолога и диалога. Сочетание этих двух типов речи (монологической и диалогической) приводит к тому, что в процессе коммуникации изменяются обе ее стороны. Под влиянием монолога человек становится другим, чтобы потом обрести новое совершенство в ходе диалога. Но ведущая роль в коммуникации принадлежит все-таки диалогу, именно через развитие последнего проходит генеральная линия интеллектуального прогресса, ведущая к ликвидации разрыва между философией и практикой.

Это справедливо не только по отношению к тому случаю, когда субъектами коммуникации являются люди, но и по отношению к общению между человеком и машиной.

Было бы наивностью предположить, что О.В. Зарапин с нашим изложением его основных идей согласится. Нет, он заявит, что мы неправильно поняли его идеи, что мы их огрубели, примитивизировали, вульгаризировали, профанировали, исказили. Если какой-нибудь другой профессионал предпримет нелегкую попытку привести идеи труда О.В. Зарапина в удобоваримый вид, реакция будет точно такой же. Так обычно и поступают авторы, которые используют сверхсложный стиль изложения как метод защиты своих трудов от прочтения. На любую критику у них есть непобиваемый аргумент: «Вы меня неправильно поняли».

Но что мешало О.В. Зарапину выражать свои взгляды не многословно и туманно, а ясно и точно? Что мешало ему излагать свои идеи так, чтобы их мог понять любой человек, обладающий хотя бы базовой философской подготовкой? Тогда ведь не потребовалось бы тратить время и силы на дешифровку его невнятного сочинения. Тогда была бы возможность не предполагать, что именно автор желает сказать, а анализировать его взгляды по существу. Но мы имеем то, что имеем. И надо ли специально обосновывать, что «сухой остаток» всего труда О.В. Зарапина выглядит не очень впечатляюще?

Заключение

Итак, актуальность темы обоснована неубедительно и непрофессионально, предмет исследования определен небрежно и противоречиво; гипотеза исследования представляет собой трюизм, закамуфлированный под глубокомысленные рассуждения; цель и задачи работы сформулированы с серьезными отступлениями от норм научности; характеризуя новизну исследования, автор повторяет общеизвестные истины и в то же время воспроизводит антинаучные идеи, которым не место в серьезной литературе; теоретическое значение работы описано многословно и туманно, но основная ее идея четко не сформулирована; язык и стиль работы имеют своей целью не донести до читателя основные идеи автора, а скрыть тривиальность и противоречивость высказываемых суждений, а порой и их нелепость и антинаучность. Реальное содержание труда, выявленное путем снятия цветистого словесного покрова, коим автор богато украсил свое сочинение, представляет собой набор банальностей и весьма спорных утверждений, вряд ли кому-то интересных.

Все изложенное позволяет заключить, что диссертационное исследование О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)», не отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям, а его автор не заслуживает присвоения ему искомой ученой степени.

Лившиц Рудольф Львович,
доктор философских наук, профессор

Домашний адрес:

188006, г. Гатчина Ленинградской обл, Пушкинское шоссе, 13, корп. 3, кв.212

Тел.8-914-315-78-87

E-mail: rudliv@yandex.ru

Город Гатчина Ленинградской области, двадцать второго января две тысячи двадцать четвертого года.

заявитель

Лившица Рудольф Львович

Российская Федерация

Город Гатчина Ленинградской области

Двадцать второго января две тысячи двадцать четвертого года

Я, Антипова Анна Владимировна, нотариус Гатчинского нотариального округа Ленинградской области, свидетельствую подлинность подписи Лившица Рудольфа Львовича.

Подпись сделана в моем присутствии.

Личность подписавшего документ установлена.

Зарегистрировано в реестре: № 78/517-н/47-2024-1-157.

Уплачено за совершение нотариального действия: 1500 руб. 00 коп.

[Handwritten signature]

А.В. Антипова

